

Н. В. Пятышева

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПЕНТАГРАММЫ КАК ДАТИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ ХЕРСОНЕСА

На средневековых предметах из раскопок Херсонесского городища иногда встречаются знаки в виде пятиконечной звезды — пентаграммы, чаще всего — метки на кровельной черепице. Исследователи давно обратили внимание на это изображение, они называли его «так называемой Печатью Соломона», сопоставив с изображениями на золотоордынских монетах¹. Сопоставление было правильным, но название дано ошибочное. «Печать Соломона» — два наложенных друг на друга треугольника, образующих шестилучевую звезду, изображения которой в Херсонесе не встречаются. Здесь же четко выражена пятиконечная звезда — пентаграмма. А. Л. Якобсон называет его «условным знаком в виде звезды»².

Черепица с этими метками находится в верхних слоях²³, поэтому тот же автор отнес ее к самому позднему периоду жизни городища — к XIII—XIV вв., а в другой работе — уже только к XIII в., так как считал XIII в. последним, когда еще существовали городские ремесла и велось какое-то строительство⁴.

Интересующая нас метка производилась двумя способами — или путем оттиска черепицы в специальной форме-матрице, или путем накладки на поверхность отформованной черепицы глиняного жгутика по контурам рисунка. В первом случае контуры метки обозначались в виде тонких слоев слаборельефной линии, во втором линии получались гораздо шире, рельеф — более высоким. Судя по цвету и обжигу глины, обработке поверхности черепицы, оба способа применялись одновременно.

Глина этих черепиц буровато-красная, иногда с оранжевым оттенком, с вкраплением каких-то мелких белых глазков и тонких прослоек, но в общем хорошей отмучки и ровного обжига. Поверхность, часто с обеих сторон, покрыта зеленовато-кремовым ангобом. В настоящее время можно отчетливо проследить три варианта меток-пентаграмм. Первый — контуры звезды выполнены накладным глиняным валиком высотой 4—5 мм, в центре ее — глиняная шишечка той же высоты⁵ (рис. 1.1). Второй — черепица с меткой, оттиснутой в матрице, тонкая контурная линия высотой

1—1,5 см, шишечка в центре отсутствует⁶ (рис. 1,2). Третий — метка оттиснута в матрице, шишечка отсутствует, но на остриях лучей — короткий горизонтальный штрих⁷ (рис. 1,3).

Следует обратить внимание на то, что пентаграмма второго варианта встречается в комбинации с меткой в виде всадника с поднятым копьём, техника исполнения та же, что и в звезде, черепица из точно такой же глины, покрыта таким же ангобом⁸ (рис. 1,4). На таких же черепицах в такой же технике и стиле выполнены метки в виде всадника с опущенным копьём (рис. 1,5) и всадника на верблюде с поднятой кривой саблей⁹ (рис. 1,6). Необходимо отметить явно восточный облик этих всадников в высоких колпаках и оригинальную стилизацию изображения двугорбого верблюда.

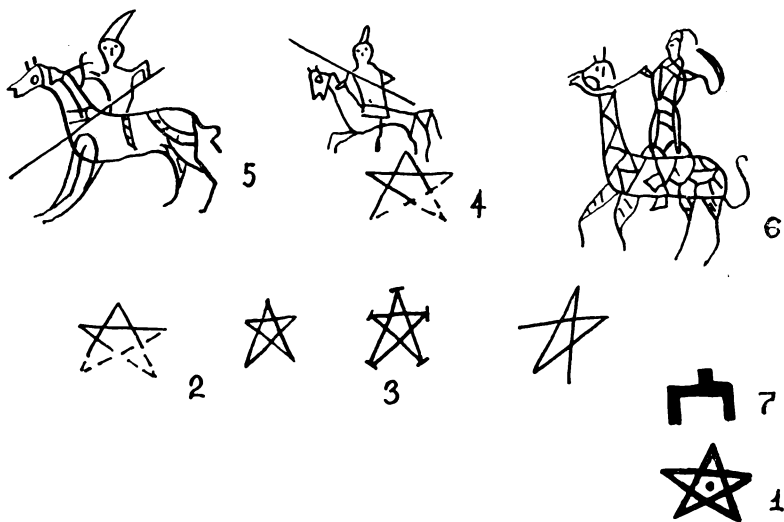

Рис. 1. Клейма на позднесредневековой черепице Херсонеса.

Возникает вопрос, в какие же десятилетия на протяжении XIII—XV вв. и в связи с какими событиями появились эти метки? Что касается пентаграммы, то еще К. К. Косцюшко-Валюжинич и В. В. Латышев сопоставляли ее с золотоордынскими монетами. На монетах узбека (1313—1339) вычеканена пентаграмма иногда с изображением в центре тамги — родового знака дома Бату¹⁰.

Пентаграмму и тамгу мы видим не только на черепицах из Херсонеса¹¹, но и из других мест Крыма — Эски-Кермена, Мангупа, поселения у скалы Дзиви¹² (рис. 1,7).

Пентаграмме с древних времен придавалось мистическое значение. У пифагорейцев она считалась символом здоровья, у гностиков в первые века нашей эры она встречается среди других загадочных символов на абраксасгемах и амулетах. В средневеко-

вой магии этот знак входил в состав многих заклинательных формул и был очень популярен в Малой Азии, Египте, Европе (особенно в Германии, где он назывался «друдским крестом» и как надежная защита от друдов-ведьм чертился на дверях домов, загонах для домашнего скота, детских колыбельках, на бочках, закромах и т. п.).

В Крыму пентаграмма появляется только в период образования Крымского ханства в связи с возросшим здесь влиянием Золотой Орды и притоком татарского населения. Символический знак-оберег с монет Узбека переходит не только на черепицу. В Херсонесе он встречается и на других вещах — на щитках бронзовых перстней¹³, на круглой бронзовой пластинке с греческой надписью,

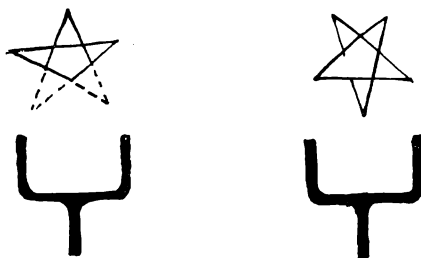

Рис. 2. Черепичное клеймо.

прочтенной Г. Г. Литавриным¹⁴. Пластинка оказалась «повязкой на вытекший глаз Анастаса». Она прикреплялась к ремешку или шнурку и таким образом держалась на лице, закрывая пустую глазницу¹⁵. На лицевой поверхности ее под нижней строчкой — небольшая выемка, по сторонам ее начерчены две пентаграммы. Из них одна сохранилась полностью, от другой остались только следы (рис. 2). Это магические знаки — обереги. Своеобразно начертание их — два треугольника без основания.

Красноватый оттенок бронзы, как на перстнях, так и на пластинке, свидетельствует о местном производстве этих вещей¹⁶.

Пентаграмма-граффити начертана на пифосе, обнаруженном археологической экспедицией Уральского университета во время раскопок в Херсонесе¹⁷. В помещении № 33, где находился пифос, найдены монеты IX—XV вв. и среди них — джучидская XIV—XV вв. Именно эта монета в сочетании с граффити определяет дату помещения.

Вообще восточным монетам исследователи Херсонеса должного внимания не уделяли, поэтому существует большой пробел в изучении позднего периода истории города. Судя даже по некоторым выборочным определителям монет из раскопок, можно говорить о степени значимости восточных элементов в жизни города в XIII—XV вв.¹⁸ Необходимо отметить также большое количество восточных вещей, найденных в Херсонесе и свидетельству-

ющих о живых связях с городами Золотой Орды¹⁹ и Малой Азии²⁰.

Этими же связями объясняются и черепичные метки в виде тамги и пентаграммы, найденные на Мангупе, на Эски-Кермене и в других местах Крыма, где с 60-х годов XIV в. правили татарские князья²¹. В это же время в населении Херсонеса, поредевшем после эпидемии чумы в 1348 г., появляется значительная прослойка пришлых этнических элементов — монголо-татар, турков, армян, славян, алан²². Пришельцы значительно пополнили число херсонских ремесленников и торговцев, что, несомненно, оживило экономическое состояние города и подняло его политический потенциал²³.

А. Л. Якобсон предполагает, что вообще все черепичные метки являются атрибуцией общинных корпораций гончаров. Возможно, так оно и было. По тем или иным признакам он распределяет их в пределах X—XIII вв.²⁴ Автор этой статьи останавливается только на сравнительно небольшой группе меток — пентаграммах и связанных с ней тамгах: всадниках с опущенным или поднятым копьем и всадниках на верблюдах²⁵. Глина и форма черепиц, техника рисунка, покрывающий их ангоб абсолютно идентичны. Вырабатывались они в 60-х годах XIV в. — 20-х годах XV в. Владелец или владельцами мастерских, изготовлявших черепицу этой группы, не обязательно были татары. Ими могли быть представители и других этнических групп, но, во всяком случае, символика этих меток была им близка и понятна, а такой знак, как пентаграмма, служил в их представлении надежным апотропеем всякой «нечистой силы». Такие же обереги наносились и на перстнях, и на повязке Анастаса, и на пифосе. Кроме того, это, очевидно, было модно, как модно было, не владея арабской письменностью, делать имитацию восточной вязи на перстнях²⁶ и поливной посуде. Однако находились и местные мастера, оставившие настоящие надписи на вещах своего изготовления, вроде мастера Омара, начертавшего свое имя на висячем замке-лошадке²⁷. Шрифт надписи, по определению специалистов, — рубеж XIV—XV вв., т. е. она входит в тот же хронологический отрезок, к которому относится пентаграмма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1895 г. — ОАК за 1895 г. Спб., 1897, стр. 91, рис. 232; В. В. Латышев. — В сб.: Понтика. Спб., 1909, стр. 262.

² А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). (МИА, вып. 17). М. — Л., 1950, стр. 144, 147, табл. 17, рис. 307—310.

³ Дневники раскопок Р. Х. Лепера в 1908—1913 гг. — ХС, вып. 3, 1931, стр. 69, 74, 98, 128, 129, 133; Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963—1964 гг. — АДСВ, вып. 7, стр. 40, 54, 61; Н. В. Пятышева. Отчеты с раскопок в Херсонесе за 1958 и 1965 гг. — Архивы ГИМ и ГХМ.

⁴ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес..., стр. 144, 147; его же. К изучению позднесредневекового Херсонеса. — ХС, вып. 5, 1959, стр. 233. Данные раскопок последних лет это мнение опровергли и позволили считать, что Херсонес как город жил и в XIV в. и в первой половине XV в.

⁵ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет..., стр. 91, рис. 232; А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес..., табл. 17, рис. 307; Н. В. Пятыева. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1965 г., уч. I Ж. — Архивы ГИМ и ГХМ.

⁶ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес..., табл. 17, рис. 308—310.

⁷ Н. В. Пятыева. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1958 г., уч. II, с наружной стороны крепостной стены. Верхний слой. — Архивы ГИМ и ГХМ.

⁸ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес..., табл. 3, рис. 26.

⁹ Там же, табл. 3, рис. 25, 27.

¹⁰ С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Булгарах в 1946—1952 гг. — МИА, вып. 42, 1955, стр. 434 (№ 30), стр. 436 (№ 37).

¹¹ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет..., стр. 91, рис. 231; А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес..., табл. 16, рис. 260. А. Л. Якобсон относит пентаграмму к «раннесредневековому времени» на основании высокого рельефа, хотя он не выше, чем у пентаграммы первого варианта.

¹² А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес..., табл. 20, рис. 13, табл. 21, рис. 1, 17, 43, табл. 22, рис. 1, 2, 33; Е. А. Паршина. Средневековые памятники на побережье от Голубого залива до Ялты. — В сб.: Археологические исследования на Украине в 1967 г., вып. 2. Киев, 1968, стр. 58, рис. 3 (справа).

¹³ Из раскопок 1889. — ГИМ, инв. № 25732.

¹⁴ Г. Г. Литаврин, Н. В. Пятыева. Бронзовая пластинка из Херсонеса с именем Анастаса (в печати).

¹⁵ Из раскопок городища в 1889 г. — ГИМ, инв. № 25740.

¹⁶ В. И. Кадеев, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фолин. О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе. — СА, 1963, № 1, стр. 48.

¹⁷ Сводный отчет..., стр. 47, 48, рис. 18.

¹⁸ Найденные в 1895 г. 35 золотоордынских монет В. В. Латышев сопоставил не только с тамгой и пентаграммой на черепице, но и с некоторыми погребениями, в которых профессор Казанского университета антрополог Н. Ф. Высотский признал монголов (Понтика, стр. 262). Р. Х. Лепер обнаружил во время раскопок «черепки татарской посуды белого, красного, черного цвета». — ХС, вып. 3, 1931, стр. 137. Тогда же были найдены 13 восточных, в том числе и золотоордынских, монет, описанных Л. Н. Беловой-Кудь. — Там же, стр. 44, № 28; стр. 152, № 206, 215; стр. 154, № 282 (3 штуки); стр. 158, № 396; стр. 163, № 536; стр. 164, № 588; стр. 169, № 71; стр. 170, № 107; стр. 201, № 302; стр. 209, № 208. Во время раскопок, предпринятых экспедицией Уральского университета в 1963—1964 гг., обнаружено 19 монет (см.: А. М. Гилевич. Монеты из раскопок портового района Херсонеса в 1963—1964 гг. — АДСВ, вып. 7, 1971, стр. 64—73, № 6, 12, 24, 28, 29, 53, 179, 189, 201, 233, 252, 261, 263, 268, 269, 271, 276, 279, 283).

¹⁹ В. В. Латышев приводит интересный случай, когда одна часть херсонесского декрета II в. была найдена в развалинах Сарая в 1822 г., а другая — при раскопках Херсонеса в 1893 г. (Понтика, стр. 218—225).

²⁰ Например, медные ступки с арабскими надписями (ИАК, вып. 16, стр. 72, рис. 31; ХС, вып. 3, 1931, стр. 133), столовая поливная посуда местной выделки с изображением персонажей восточного типа и имитацией восточных надписей (А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес..., табл. 31, рис. 124, 126, 127, стр. 204—207), крышка поливного сосуда в виде полуфигуры монгола в высокой шапке с загнутыми полями и тремя косами на спине (ОАК за 1892 г., стр. 16, рис. 8; А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес..., стр. 217, № 147, рис. 126 б), бронзовая фигурка восточного всадника, половецкая маска и стрела (Н. В. Пятыева. Железная маска из Херсонеса. М., 1964, стр. 32, табл. 1, рис. 5, 6).

²¹ Под татарским названием Сары-Кермен Херсонес был известен арабским

авторам XIV в. — *А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес...*, стр. 37, 40, 41. Приведена литература вопроса.

²² Некоторые граффити на сосудах определены Г. Ф. Турчаниновым как знаки аланского письма. — *АДСВ*, вып. 7, 1971, стр. 40, рис. 17, № 9—16.

²³ Представляется вполне обоснованным мнение Е. Ч. Скржинской о том, что средневековый Херсонес был «средоточием интенсивной торговли Константинополя и Малоазийского Черноморского побережья с обитателями Южнорусских степей, с самой Русью, с Приволжским Северо-Востоком» (*Е. Ч. Скржинская. Рец. на кн.: А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес (VII—XIV вв.)*. М. — Л., 1950. — *ВВ*, т. 6, 1953, стр. 262), и спорным заключение А. Л. Яковсона о ничтожности позднесредневекового Херсонеса и гибели его в конце XIII в. (*ХС*, вып. 5, 1959, стр. 233).

²⁴ *А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес...*, стр. 145.

²⁵ А. Л. Яковсон отмечает, что метка № 25 (у нас № 4, 5) встречена им 22 раза, метка № 27 (у нас № 6) — 13 раз, метка № 307 (у нас № 1—3) — 12 раз. См.: *А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес...*, стр. 153, прим. 3. С тех пор количество находок этих меток увеличилось не менее чем в три раза.

²⁶ В ГИМ хранятся 5 перстней с такими имитациями из раскопок 1889 и 1898 гг. и перстень со схематическим изображением всадника, близким к изображению на черепицах. — ГИМ, инв. № 25732 и 39319.

²⁷ Надпись найдена в 1960 г. и прочитана С. А. Янниной и Ю. Н. Завадским (см.: *Н. В. Пятыева. Раскопки в Херсонесе. — Сборник экспедиций ГИМ. М., 1969, стр. 157, рис. 7*). В Херсонесе найдено уже более 10 фигурных висячих замков XIV в. Все они восточного происхождения.